

Родственницы переглянулись, поняв, что Гу Цзиньянь их прогоняет. Теперь, когда швейная фабрика «Юйянь» Гу Цзиньяня становилась всё больше, их дети работали на ней, и это было основной причиной, почему они согласились помочь Гу Дахэ и его жене уговорить Гу Цзиньяня жениться. Они не хотели ссориться с Гу Цзиньянем, поэтому быстро нашли предлоги и ушли.

...

Гу Чжимэй вернулась с мужем и ребёнком на 29-й день.

Боясь, что Гуань Ханъи узнает о её прошлом с Линь Бэем, Гу Чжимэй долгое время не решалась привести его домой. После замужества она откладывала это под предлогом беременности и маленького ребёнка. В этом году дедушка приказал им вернуться на Новый год, и она больше не могла отказываться.

После новогоднего ужина Гу Цзиньянь быстро раздал красные конверты и собрался уходить. Ему было невыносимо оставаться здесь.

Гу Дахэ и Хуан Сюцзюй, видимо, боялись его гнева и не решались хорошо относиться к Гу Чжимэй.

Днём, когда Хуан Сюцзюй чистила мандарин для Гу Чжимэй и её ребёнка, она, увидев Гу Цзиньяня, забрала уже протянутый мандарин и отдала ему, с виноватым видом и блуждающим взглядом. Весь день она почти не разговаривала с семьёй Гу Чжимэй, лишь украдкой поглядывала на Гу Цзиньяня, боясь его гнева. Неизвестно, что думали Гу Чжимэй и Гуань Ханъи, но ему самому было неловко.

Гу Чжимэй и Гуань Ханъи тоже чувствовали себя некомфортно, особенно Гуань Ханъи, который буквально не находил себе места. Увидев, что Гу Цзиньянь собирается уходить, он облегчённо вздохнул, но всё же спросил:

— Старший брат, ты не останешься встречать Новый год?

Только вернувшись с Сяомэй, он узнал, что Гу Цзиньянь давно живёт отдельно.

Гу Цзиньянь ответил:

— Нет, двоюродная бабушка одна, я должен вернуться и встретить Новый год с ней.

Так было уже несколько лет. Гу Дахэ и Хуан Сюцзюй сначала переживали, потом смирились, а теперь уже спокойно воспринимали это.

Каждый раз, когда сын так говорил, они вспоминали, как раньше часто говорили ему и дочери:

— Амэй сирота, ей слишком тяжело, вы должны уступать ей.

И в душе у них оставалась горечь, которую некому было высказать.

Гуань Ханъи замер на мгновение. Даже Новый год они не встречают вместе. Видимо, отношения Гу Цзиньяня с родителями были хуже, чем он думал. До его приезда всё было нормально, но как только Гу Цзиньянь вернулся, атмосфера стала невыносимо напряжённой. Гу Дахэ и его жена явно заискивали перед сыном.

Они вернулись сюда, чтобы наладить отношения с Гу Цзиньянь и его сестрой. Однако Гу Цзиньянь держался холодно, а дядя и тётя, похоже, не могли помочь.

— Старший брат, раньше я была слишком эгоистична, но теперь всё изменится. Дядя и тётя теперь понимают, что обидели тебя, прости их! — В последний момент, перед тем как Гу Цзиньянь ушёл, Гу Чжимэй наконец сказала то, что давно хотела.

Весь день, наблюдая, как дядя и тётя заискивают перед Гу Цзиньянем, она чувствовала себя виноватой. Всё это произошло из-за неё.

Гу Цзиньянь с иронией подумал, что в оригинальной истории она не осознавала своих ошибок.

Простить Гу Дахэ и Хуан Сюцзюй и начать хорошо к ним относиться? О чём она вообще? Он не был оригинальным владельцем тела и не испытывал к Гу Дахэ и Хуан Сюцзюй никаких тёплых чувств. Выполнять свои обязанности по содержанию родителей — это уже его предел.

— Старший брат, ты сейчас живёшь хорошо, зачем цепляться за прошлое? — Гуань Ханъи считал, что Гу Цзиньянь слишком мелочен.

Родители немного выделяли Сяомэй, и он уже возненавидел их.

Пока нож не коснётся твоего тела, ты не поймёшь, как это больно.

Гу Цзиньянь посмотрел на Гуань Ханъи и сказал:

— Хорошо, тогда, когда вернёшься домой, усынови ребёнка. После этого вы с женой отдайте ему всю свою любовь и всё лучшее, все семейные ресурсы и связи, а свою компанию оставьте ему в наследство. Если ты сможешь это сделать, я сразу же прощу.

— Давай поспорим, будет ли твой сын обижаться на вас с женой, — спокойно сказал Гу Цзиньянь.

— Это совсем другое! — возмущённо воскликнул Гуань Ханъи.

— Точно такое же. Хотя родители дали старшей сестре не так много, но они отдали ей всё, что могли.

— Сяомэй просто училась, разве ты не учился? Она получила не всё.

Гу Цзиньянь с усмешкой посмотрел на Гу Дахэ и Хуан Сюцзюй:

— Не говоря уже о том, что ради лечения слабой здоровьем старшей сестры мы с младшей сестрой жили в нужде. Всё лучшее в доме доставалось старшей сестре. Младшая сестра училась лучше, но родители всё же отправили старшую сестру учиться, а младшую заставили бросить школу. Чтобы устроить старшую сестру на работу, они использовали деньги, которые предназначались для моей свадьбы, и из-за этого младшая сестра вышла замуж без приданого.

Всё это можно было бы простить, но Гу Чжимэй считала, что ничем им не обязана. Если бы он не пришёл сюда и не добился успеха, кто бы вообще заметил обиды оригинального владельца тела и Гу Чжижун?

Гуань Ханъи был ошеломлён. Он действительно не знал, что Гу Дахэ и его жена зашли так далеко.

Гу Чжимэй чувствовала себя как на иголках. Всё остальное можно было бы проигнорировать, но история с устройством на работу, которую Гу Цзиньянь рассказал так, что она выглядела крайне эгоистичной.

Гу Дахэ и Хуан Сюэцзюй, слушая слова Гу Цзиньяня, чуть не уткнулись лицами в грудь.

На второй день Нового года, день, когда замужние женщины возвращаются в родительский дом, Кэ Цзяньцзюнь наконец получил отпуск, и вся семья собралась вместе, чтобы встретить праздник.

Около восьми утра Гу Чжижун пришла к двоюродной бабушке У Сюэцзюань.

В это время Гу Цзиньянь как раз рассказывал двоюродной бабушке У Сюэцзюань о своих впечатлениях от столицы, когда снаружи послышался голос Гу Чжижун.

— Двоюродная бабушка, старший брат, с Новым годом! — Гу Чжижун вошла, держа за руку дочь.

— С Новым годом! Заходи, — тепло встретила её У Сюэцзюань.

Следом за Гу Чжижун вошёл Кэ Цзяньцзюнь, держа на руках сына.

— Двоюродная бабушка, с Новым годом! — сказал он, протягивая подарки У Сюэцзюань.

— Зачем приносить что-то, достаточно того, что вы пришли, — ворчала У Сюэцзюань.

— Это наше скромное подношение, примите, — улыбнулась Гу Чжижун.

Гу Цзиньянь тоже улыбнулся:

— Принимайте, не стоит церемониться.

— Именно так, — кивнул Кэ Цзяньцзюнь.

Он буквально преклонялся перед своим шурином.

После того как все выпили чай и обменялись новостями, У Сюэцзюань дала детям красные конверты и отпустила их.

— Тогда мы пойдём, — сказала Гу Чжижун, чувствуя, что время подошло, и ей нужно вернуться, чтобы помочь с приготовлением обеда.

— Аянь принёс много вещей, мне, старой женщине, столько не съесть, возьми это для Дахэ, — У Сюэцзюань взяла подарки со стола и протянула их Гу Чжижун.

Хотя Гу Дахэ и его жена ничего не говорили, но каждый раз, когда Аянь присылал ей что-то, они смотрели на неё с таким укором.

Она много раз просила Аяня не присылать ей ничего, она могла сама себя обеспечить. Но Аянь настаивал, и она не могла просто отказаться или отдать подарки им.

— Двоюродная бабушка, это специально привезли для вас, у моих родителей тоже есть, — Гу Чжижун не взяла подарки.

Гу Цзиньянь взял подарки и снова положил их на стол:

— Двоюродная бабушка, примите, я ещё здесь, и мне тоже нужно есть.

Услышав это, У Сюцзюань больше не стала отказываться.

Когда Гу Цзиньянь и его семья подошли к дому, они услышали громкую ссору во дворе. Они переглянулись и быстро направились туда.

— Твой муж знает, что ты бросила жениха, чтобы поступить в университет? — с ехидцей спросила тётя Чжоу, глядя на Гу Чжимэй.

Она просто хотела сделать Гу Чжимэй неприятно. Она ненавидела всех, кто бросал семью. Её невестка, которая уехала учиться, больше не вернулась. Сын поехал искать её в университете, но там сказали, что такой нет, а где её родная семья, никто не знал.

Все говорили, что это было заранее спланировано. Её сын и внуки стали посмешищем в деревне. Все эти годы она пыталась найти сыну новую жену, но никто не хотел выходить замуж за человека с тремя детьми.

Теперь, увидев, как Гу Чжимэй вернулась с мужем и ребёнком в роскоши, она невольно думала, а не вышла ли её невестка замуж и не живёт ли так же хорошо, как Гу Чжимэй. Мысли об этом причиняли ей боль, и, продержавшись три дня, она больше не смогла сдерживаться.

— Тётя Чжоу, что за чушь ты несёшь? — толкала тётю Чжоу Хуан Сюцзюй, пытаясь вытолкнуть её за дверь.

— Какую чушь? В деревне все знают. Тогда, прямо здесь, Гу Чжимэй, несмотря на мольбы жениха, настаивала на разрыве помолвки.

Тётя Чжоу уже была у двери, но всё ещё кричала.

Увидев, что сын и дочь с зятем вернулись, Хуан Сюцзюй поспешно сказала:

— Быстро помогите выгнать тётю Чжоу.

<http://bllate.org/book/16336/1474865>